

Свободен был даже в веригах

моск. правда - 2006 - 29 дек. - с. 13.

Андрей Тарковский ныне классик кино. Книжки, статьи, воспоминания, фильмы - все это в избытке. Произошло то, что предсказывал сам режиссер: «Когда я не смогу ничего возразить, я стану угодным «власть имущим». И действительно, после смерти Андрея Тарковского власть полюбила его и торжественно внесла в пантеон славы. Власть всегда побаивается живых бунтарей, новаторов и гениев. Но обожает мертвых. Так было с Андреем Тарковским, так было с Борисом Пастернаком, Владимиром Высоцким и другими.

20 лет назад

Многие, наверное, забыли события 20-летней давности, ну, а молодые и совсем о них не знают. Андрей Тарковский тогда задыхался в железных объятиях идеологической цензуры, ему не давали свободно работать и творить. Каждый его фильм шел к экрану и зрителям, как Христос на Голгофу. Сотни замечаний, придирок, требований, как надо и как не надо. По поводу героя фильма «Солярис»: «К какому лагерю принадлежит Кельвин - к социалистическому, коммунистическому или капиталистическому?..» Или о картине «Зеркало»: «Весь фильм необходимо освободить от мистики...»

Из письма Андрея Тарковского отцу, поэту Арсению Тарковскому: «...Может быть, ты не подсчитывал, но ведь я из двадцати с лишним лет работы в советском кино - около 17-ти был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травил все это время, и последней каплей был скандал в Каннах, где было сделано все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три) за фильм «Ностальгия»... Когда у меня был 50-летний юбилей, не было не только выставки, не было даже объявления и поздравления в нашем кинематографическом журнале, что делается всегда с каждым членом Союза кинематографистов. Но даже эта мелочь - причин десятилетия - и все они унизили для меня...»

Это письмо было написано в Риме 16 сентября 1983 года, за три года до кончины.

В Италии Андрей Тарковский снял фильм «Ностальгия» и в Россию уже не вернулся. Раз уехал, решили Госкино и курировавшие его органы на Старой площади, значит, не наш! Не советский! И не о чем тут и говорить. Как по команде замолкли газеты и журналы: ни слова о Тарковском. С экрана исчезли все его картины:

уже к Дням Победы перестали называть «Иваново детство» - один из самых ярких фильмов на эту тему. Зловещая тишина окружала имя Тарковского. Как бы вычеркнули из истории советского кино.

Жил Тарковский сначала в Риме, во Флоренции (улица Святого Иакова, 91), потом в Париже. Снял свой последний фильм «Жертвоприношение» (игравший в нем шведский актер Эрланд Йозефсон называл Тарковского «великим пессимистом»). Судя по радиоголосу (в те годы информация шла исключительно от Би-би-си, «Свободы» и от других зарубежных радиостанций), никаких политических заявлений не делал. От родины не отрекался. Систему не ругал. Единственно что - неслестно отзывался о руководителях Госкино. Шла длительная и изнурительная борьба за родственников (сына и тещу), чтобы они получили возможность выехать на Запад, в это жуткое «туда».

Итак, разделенная семья... Старая, испытанная практика: иметь кого-нибудь в качестве заложника. Моральные мучения усугубили физические. Андрей Тарковский был болен, и уже никакие врачи не в силах были ему помочь.

«Когда я умру, я прошу похоронить меня в Париже, на русском кладбище», - писал в завещании 5 ноября 1986 года Андрей Арсеньевич. - Ни живым, ни мертвым я не хочу возвращаться в страну, которая причинила мне и моим близким столько боли, страдания, унижений. Я - русский человек, но советским себя не считаю...»

Слух о смерти Тарковского стал распространяться с лета 1986 года, но он был ложным. Неизбежное произошло позднее.

30 декабря я случайно услышал радио Франции, и из обзора парижской прессы стало ясно, что Андрея Тарковского больше нет. Говоря о нем, отмечал «метафизические и мистические» поиски режиссера. Кто-то сказал, что «Тарковский жил со смертью в душе», что он так и не смог приспособиться как к Западу, так и к Востоку, что, «будучи ни диссидентом, ни изгнанником, он жил с чувством ущербного человека...»

Господи, это они там, на Западе, так считают. А наши? Переклещивал приемник на «Маяк» - и что же? Передавали некролог о скончавшемся в Лондоне «последнем викторианце» Гарольде Макмиллане - я даже охнул от негодования. При чем тут Макмиллан?! Можно подумать, что вклад в русскую культуру, в мировой кинематограф внес не Андрей Тарковский, а бывший британский премьер-министр...

Конечно, молчание наших СМИ было понятно: ситуация щекотливая: чиновникам от искусства весьма трудно было определить, кто же такой в конце концов Тарковский: наш человек или не наш. Наверное, ездили «наверх» консультироваться. Прикидывали. Собирали. Но, учитывая опыт с Владимиром Высоцким, решили: Тарковского Западу не отдадим. Снова возьмем и впишем в историю советского кинематографа. А там, глядишь, канонизируем, как святого.

В итоге 31 декабря 1986 года по «Маяку» прозвучал некролог, а 1 января он появился в газете «Советская культура» - официально от Союза кинематографистов и Госкино СССР. Он был назван «Памяти Андрея Тарковского», в нем были всякие фари-сейские слова про «трудное, кризисное время» для режиссера. 5 января 1987 года состоялся похороны Андрея Тарковского на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Возложите на Времени венки, В этом вечном огне мы сгорели...

- всплыли в памяти строки другого Андрея - Вознесенского.

Полгода примерно мы сидели за одной партой

«Он был свободен даже в веригах», - сказал Тонино Гуэрра после смерти Андрея Тарковского. Да, он был каким-то вольнолюбивым уже в юные годы. Мы учились с ним вместе в 554-й московской школе и примерно полгода сидели за одной партой. Угадывался ли в нем будущий великий режиссер? Вряд ли. Щуплый. Шустрый. Нервный. Импульсивный. Он жил какой-то своей напряженной внутренней жизнью. Однажды на вопрос кроткого преподавателя черчения, как мы его звали, Рейсфедера Ивановича, сделал ли Андрей чертеж, тот уверенно кивнул головой.

- А где он? - пошарил глазами учитель.

- Его нет.

- Значит, чертежа все же не было?

- Было! - взвизгнул Андрей и, как барон из горьковского «На дне», лихорадочно, обидчиво, со слезой заголосил: - Было! Все было!..

Класс рухнул от смеха, а Рейсфедер Иванович онемел.

Мы занимались тогда всем, кроме учебы. Играли в футбол, в жесточку, в настольный самодельный хоккей. Увлекались поэзией и девочками. Нас не очень привлекало, «как закалялась сталь», и совершенно равнодушным оставался роман «Цемент», но зато мы с увлечением читали запрещенную литературу Серебряного века, и таинственное слово «декаданс» ласкало наш слух. И вот 30 ноября 1949 года два 17-летних отрока, два школьных шалопаи, Андрей Тарковский и Юрий Безелянский, решили скрасить время на одном из скучных уроков и написать стихотворение: один пишет одну строчку, второй - другую. И вот что сохранилось на пожелтевшей бумаге:

Проходят дни густой
лиловой тенью,
Летят на крыльях звонкой
тишины.
Пришел, уснул под гробом
черной сенью,
Увидел серо-сучной
жизни сны...

и так далее. Кто какую строчку писал - об этом в дневнике моем нет. К горькому сожалению, как и подробностей о многочисленных встречах, только короткие записи: «Был Андрюха». А что делали? О чем говорили? О чем

спорили? Ничего. Тогда это были всего лишь проходящие моменты жизни.

15 июня 1979 года. Дом кино. Премьера фильма Тарковского «Сталкер». Запись из дневника:

«Андрей сказал, что два билета на мое имя будут в списке у администратора. Приходим. Водворот людей. И каких! Терехова, Козаков, Вертинская, Купченко, Збруев, Санаев и т. д. Столпотворение. У окошка администратора свара. Прикипаю к окошку - никакого списка нет. Жена на грани слез. Мучительное топтание на месте. Наконец в окошке возникает сам Андрей. Я ему: «Пропуска нет». Он выскакивает и бежит за пропусками. Длинный торг с руководителями Дома кино. Наконец, в руках заветный бумажный «сезам». Прохожу. Но тут же хватаю жену: «А вы куда, дама?!» Новая свалка. Тарковский кричит в тихой истерике: «Это мои гости! Могу я их пригласить на мой фильм или нет?!»

Словом, обычная картина: море хамства и унижения. А потом был фильм. И все сидели, затаив дыхание. Непривычный визуальный ряд. Обжигающий текст. Писатель в «Сталкере» говорит: «Писать - это все равно, что выдавливать геморрой... Находишь истину, а это что-то такое, что и называть не хочется...» После демонстрации картины какой-то маститый режиссер бросил фразу: «Достоевский для бедных в научно-фантастическом жанре».

Последняя встреча

Она состоялась 28 марта 1981 года. Ей предшествовали длительные телефонные переговоры. Как и обещал, ровно в шесть Андрей прикатил на такси на Песчаную площадь. Я увидел его издали: миниатюрный человек, в желтой куртке, в голубых фирменных джинсах и спортивном надвинутом на глаза кепаре - эдакий марсианин, только что спустившийся с летающей тарелки.

- А ты не изменился, - сказал мне Андрей, пожимаю руку.

Мне было трудно сказать то же самое о нем. Очень худой, с лицом сморщенным и увядшим. Жесткая щеточка усов. Глаза темные, быстрые, пронзительные. Но походка прежняя: стремительная и молодая.

«Для разогрева» я показал Андрею альбом со старыми школьными фотографиями. Надев на нос очки (+1,5), он лис-

тал страницы, узнавал ребят: «А вот этот, который стал милиционером!» Бросил взгляд на приклеенный листок с нашим совместным декадентским опусом «Проходят дни густой лиловой тенью...» и сказал: «Помню, помню...» Ну, а дальше пошел монолог о жизни.

- Понимаешь, я не могу содержать семью. Не могу... - говорил Андрей. - Мои фильмы покупают за валюту, но я ее не получаю... За мою валюту живут и развлекаются другие...

В голосе режиссера были и вызов, и обида, и какая-то обреченность.

- Я в кино двадцать лет, а сделал чрезвычайно мало: примерно одну картину за четыре года. Очень мало. Я мог бы сделать больше картин и иметь при этом все, что необходимо обывателю, но я не хочу. Это было бы для меня изменой искусству. Я делаю только то, что вижу и чувствую, и ничего другого. Это мучительно трудно в наших условиях. Это - крестный путь, но я сознательно иду по нему и несу свой крест.

- Искусство никого и ничему не учит, - продолжал говорить Андрей Тарковский в тот памятный вечер. - Оно не передает опыта. В противном случае человечество, научившись на горьких страницах истории, никогда не повторило бы роковых ошибок предыдущих поколений. И это было бы ужасно!.. Нет, каждое поколение видит мир как бы заново, воспринимая и осваивая его по-своему. У каждого поколения должен быть свой Гоголь и свой Достоевский или по крайней мере новое прочтение Гоголя и Достоевского... Искусство не имеет прикладного характера. Оно показывает человека со стороны, заставляет его попристальней взглянуть на себя, задуматься, понять то, что он есть и что с ним происходит. Искусство зовет человека на какую-то высшую ступеньку идеального совершенства. Без этого нет искусства... Искусство должно давать человеку надежду, даже в том случае, если разрушено все вокруг...

Андрей излагал свои взгляды порывисто, нервно и даже несколько, как мне показалось, зло.

- Мне смешно, когда говорят, что я - элитарный режиссер. Искусство вообще по своей природе элитарно, оно - для избранных. Это определенные вершины духа, которые возвышаются над всеми, а внизу низины, равнины, поля... Искусство требует понимания, ответной работы мысли, напряженного сотворчества, иначе его невозможно понять.

Я слушал Тарковского и невольно вспомнил Марка Шагала, которого однажды на вернисаже кто-то спросил, что, по мнению художника, должна сказать ему, посетителю выставка, такая-то картина. На что Шагал ответил: «А это зависит от того, что вы скажете картине».

- Меня часто спрашивают, - продолжал Андрей, - что в фильме обозначает это и то? Какой символ придается собаке в «Сталкере»? Люди непременно хотят, чтобы все было ясным, конкретным и понятным. Они не выносят недосказанности, тайны. Она их пугает. Страшит. Мир должен быть для них логичным и простым, только тогда они могут в нем жить спокойно и разномышлять...

Далее разговор перешел на коллег-кинорежиссеров. Он рез-

ко покритиковал тех, кто поставил себе цель развлекать публику и угождать начальству: «А это плохо, когда начальство тебя любит...»

- Ну, а кто из режиссеров, на твой взгляд, самый-самый? - спросил я Андрея. Он откинул голову и задумался:

- Параджанов... Иоселиани... Герман... И вот совсем молодой Саша Сокуров из документального кино. Он еще ничего не поставил, но запомни это имя: чертовски талантливый парень!.. Четыре режиссера были в стране - не так-то плохо. В Италии есть два, во Франции - один, два в Японии.

- А хотел бы ты жить, скажем, в Нью-Йорке?

- Нет, - последовал ответ. - Это не по мне. Очень динамичный город, он опередил нас лет на двести. У американцев совсем другое сознание, иные отношения. Уклад жизни, ритм, движение - все другое... Да, там трудно, но вместе с тем и легче. Достаточно уговорить одного продюсера, чтобы тот выложил деньги, - и ты уже снимаешь... А нам, в Союзе, нужен миллион ухищрений! Сотни людей на твоём пути, нужно обойти сотни преград, распутать сотни узлов... Если тебе там говорят «нет», то это - «нет». А у нас «нет» - это еще ничего не значит, и люди упорно ищут извилистые пути, чтобы добиться «да»... На Западе тяжело добывать деньги, а у нас их можно делать из воздуха. Посмотри: кругом одни миллионеры. Парикмахерши, таксисты, завмаги... все ловчат, жульничают и все имеют деньги...

Разговор прыгал, как мячик, от экономики к религии, от религии к литературе. Выяснилось, что Андрей любит Ахматову, а Цветаева ему не нравится («Слишком усложнена: метафоры, метафоры...»). С любовью отзывался о творчестве Бунина и Чехова и признался, что совсем не терпит современных писателей - Айтматова и Распутина.

Наконец, Андрей посмотрел на часы: пора! Я вышел его провожать. Мы дошли до троллейбусной остановки. Свистел мартовский леденчатый ветер.

- Боюсь следующего года, - сказал я Андрею, испытывая его отношение к 1982 году (мы ведь одногодки, с 1932-го).

- А почему?

- Будет пятьдесят. Особый рубеж. Жду со страхом.

- Да чепуха! Ничего не будет. Какая разница, сколько лет: пятьдесят, семьдесят, - сказал Андрей и бесшабашно засмеялся.

Троллейбус двинулся в темноту. В освещенном салоне ярко выделялась маленькая фигурка человека, одетого в желтую куртку.

Больше мы не встречались и лишь несколько раз переговаривались по телефону. Андрей Тарковский умер 28 декабря 1986 года в возрасте 54 лет. До 55 не хватило трех месяцев...

Финальный аккорд

Первый фильм Тарковского назывался «Каток и скрипка» (1961). Мистически точное название, ибо в конце катков жизни безжалостно раздавал волшебную скрипку.

Остается утешаться словами Осипа Мандельштама: «Все исчезает. Остается пространство, звезды и певец».

Что добавить? Лишь поставить точку.

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.